

Г. В. Вишина, С. П. Незнамова

**Е. БОЛХОВИТИНОВ КАК ПЕДАГОГ
И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ
XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Жизнь Евфимия Алексеевича Болховитинова (в монашестве Евгения) хорошо известна в России и на Украине.

Болховитинов родился в семье священника Ильинской церкви Воронежа в 1767 г. С 7 лет пел в хоре Благовещенского собора. Мальчиков там не только обучали чтению, письму, математике, церковно-славянскому языку, вокалу, основам музыки, но и кормили и одевали. После смерти отца, Алексея Болховитинова, Евфимия уже в 10 лет приняли в семинарию, зачислив во второй класс, что было свидетельством глубоких и разносторонних знаний мальчика. Учеба давалась ему легко: Евфимий учился азартно, увлеченно, пел в семинарском хоре, очень много читал, получал книги в семинарской библиотеке для дополнительных занятий.

Не завершив всего курса семинарии, Евфимий Болховитинов по рекомендации Воронежского епископа Тихона III в 1785 г. был направлен (вместе с другим воронежским семинаристом — И. И. Богомоловым) для обучения в Славяно-греко-латинскую академию в Москве. Ректор этой академии Платон (Левшин) получил от Тихона III рекомендательное письмо, в котором Воронежский епископ просил позаботиться о слушателях из Воронежа и обеспечить обучение за счет церкви. Семинаристы оправдали надежды наставников, особенно Евгений Болховитинов.

Ректор Славяно-греко-латинской академии Платон был одним из тех выдающихся педагогов, кто учитывал потребность XVIII столетия в эрудированных и просвещенных священнослужителях, способных вести философские и богословские споры с атеистами и представителями различных религиозных конфессий. Наиболее любознательным и способным юношам он разрешал посещать в качестве вольнослушателей лекции в Московском Императорском университете. Эту возможность получил и Евфимий Болховитинов. В Московском университете он расширил круг своих знакомств, прослушал курсы по политике, прикладной философии, французскому красноречию, по немецкому языку, политэкономии и отечественной истории. Многие из универси-

тетских студентов и слушателей Славяно-греко-латинской академии, а также ее педагоги стали друзьями, коллегами и единомышленниками Е. А. Болховитинова.

В декабре 1788 г. Евфимий Болховитинов вернулся после завершения академического курса из Москвы в Воронеж. С 9 августа 1789 г. он уже приступил к преподаванию риторики и французского языка в Воронежской духовной семинарии. Карьера молодого ученого давала ему возможность для самореализации как на педагогическом, так и на философском поприще.

20 августа 1789 г. Евфимий Алексеевич Болховитинов был назначен вице-префектом, а с 5 сентября 1790 г. — префектом Духовной семинарии, что соответствует должности проректора в XX в. Эту должность Е. А. Болховитинов занимал до февраля 1800 г., используя свои административные права для развития семинарии в соответствии с требованиями науки и педагогики последних десятилетий XVIII в. Идеалы Просвещения стали основанием для обновления учебных курсов путем включения в программу актуальных дисциплин. Болховитинов организует поэтический кружок при семинарии, приобретает новейшие издания русских и зарубежных авторов для семинарской библиотеки, открывает книжную лавку, где можно было купить учебники, журналы, научные труды, книги по богословию. И, наконец, по его инициативе в 1798 г. в Воронеже была подготовлена и открыта губернская типография. Вероятно, каждое из направлений его педагогической деятельности в Воронежской духовной семинарии с 1789 по 1800 г. может стать темой для изучения по проблемам истории педагогики, философии или истории становления одной из учебных дисциплин в Воронежской губернии. Но нас в данном случае интересует такой предмет, как герменевтика, включенная Е. А. Болховитиновым в учебные программы Воронежской духовной семинарии.

Сам факт включения этой дисциплины в учебные планы семинарии свидетельствует о высоком философском образовании не только Е. А. Болховитинова, но и Воронежского епископа Иннокентия (1788—1794)¹, который одобрял инициативу молодого педагога, поддерживал его педагогические новации своим авторитетом, а также высоким жалованием.

Епископ Иннокентий был членом Академии наук, человеком эрудированным и понимающим роль семинарии в воспитании и обучении православных священнослужителей. Он заботился об увеличении семинарской библиотеки, для чего посылал в Мос-

кву Болховитинова². Это он назначил молодого педагога префектом семинарии, когда тому было только 23 года.

Епископ Мефодий (1794—1799), преемник Иннокентия, тоже был членом Российской Академии наук. Он высоко ценил деятельность Е. А. Болховитинова, «при нем семинария достигла образцового устройства сравнительно со многими другими семинариями»³. Ректор, архиерей Амвросий, выполнял, как и его предшественники, свою почетную должность номинально, читая 1—2 раза в год богословскую проповедь или лекцию семинаристам.

Деятельность Е. А. Болховитинова поддержал епископ Арсений II (1799—1810), который некоторое время лично преподавал богословие, очень тщательно проверял учебные проповеди семинаристов, упражнения по латинскому и русскому языкам.

Именно общее движение Просвещения сблизило воронежских епископов с молодым педагогом Е. А. Болховитиновым, который в Московской Славяно-греко-латинской академии приобрел значительные знания и опыт, стремительно вводил в учебно-воспитательный процесс Воронежской духовной семинарии новые дисциплины, расширяющие интеллектуальный кругозор семинаристов.

В книге П. Никольского «История Воронежской Духовной семинарии» деятельности Е. А. Болховитинова уделено значительное место. Автор отмечает: «Как учитель, Евфимий Болховитинов заявил себя многосторонними знаниями и умением преподавать разнообразие науки. Особенно выдается он как преподаватель церковной истории, церковного красноречия и французского языка»⁴. Автор предлагает перечень сочинений и переводов Е. А. Болховитинова, относящихся ко времени его службы в Воронежской духовной семинарии. В этом списке под номером 16 значится труд «Сокращенные правила Священной Герменевтики по методу Рамбаха, преподанные в Воронежской семинарии, с руководством к сочинению проповедей и с несколькими образцами изобретения и расположения оных, сочиненные на русском языке, 1792—1794»⁵.

В характеристике дисциплин, которые преподавал лично Е. А. Болховитинов, названы все предметы семинарского плана, но автор книги предлагает уточнения по времени включения их в семинарский план. Например, «в 1797 году вместо богословия ему поручено преподавание церковной истории и толкование Священного Писания»⁶. Возможно, что «герменевтика» и «толкование Священного Писания» — это один и тот же предмет, а

возможно, различные, судя по расхождению названия и времени преподавания (1792—1794 и 1797 гг.). Для нас важно прежде всего то обстоятельство, что курсы герменевтики и толкование Священного Писания были включены им в программу обучения. В Воронежской духовной семинарии сложились благоприятные условия для развития педагогических идей молодого просветителя, его поддерживали высшие сановники Воронежской епархии.

В книге «Митрополит Евгений Болховитинов. Вибрані праці з історії Києва» предлагается более точная дата введения герменевтики в учебные планы Воронежской духовной семинарии: «С 14 августа 1797 года обучал церковной истории, священной герменевтики, языку, эллинскому и простому греческому, и французскому языку высшего класса.....»⁷. Среди неизданных произведений есть и название рукописи — «Сокращенные правила Священной герменевтики, по методу Рамбаха.....», о которой упоминал и П. Никольский.

Литература по истории Воронежской семинарии указывает на введение и освоение нового предмета — «священной герменевтики», автором курса которой называют только одного педагога — Евфимия Алексеевича Болховитинова.

Где и когда мог познакомиться Е. А. Болховитинов с данной учебной дисциплиной, приобрести книги, иметь пример методической разработки целого учебного курса?

Сергей Смирнов в книге «История Московской Славяно-греко-латинской Академии» подчеркивает, что руководитель академии «Платон (Левшин) указом Святейшего Синода от 18 ноября 1775 г. был назначен полным Директором и Протектором Московской Академии. Деятельность его управления академией составила новый период в ее истории, резко отделяющийся от времен прешествеников»⁸.

Для С. Смирнова очень важно подчеркнуть, что при ректоре Платоне (Левшине) круг наук значительно расширился; он ввел новые предметы, изучение которых отодвинуло в прошлое дух схоластики и приобщило семинаристов к идеалам Просвещения. Для реализации преобразования Московской Духовной Академии ректор Платон ввел в разное время герменевтику, церковную и гражданскую историю, пасхалии, физику, историю философии, мифологию и медицину. Кроме того, «Платон, сам любивший церковное пение и устав, ввел и сие в Академию, как предмет учения»⁹.

С. Смирнов обобщает все нововведения ректора как проявле-

ния просветительских идеалов: «Платон желал, чтобы питомцы Академии получили образование многостороннее, и позволял им собирать мед познания и с цветков светской учености: некоторые из учеников Академии, по его распоряжению, посещали лекции в университете.....»¹⁰. Именно такая судьба слушателя Академии и вольнослушателя Московского университета выпала Евфимию Болховитинову. Кроме того, Н. Н. Бантыш-Каменский, наставник и друг, издавший много книг для слушателей Славяно-греко-латинской Академии, несомненно, расширил знакомства Е. А. Болховитинова с самыми современными научными течениями, трудами и авторами.

До XVIII в. в России герменевтика как наука не выделялась: существовали различные комментарии, объяснения церковных терминов, толкования непонятным мест Св. Писания и предсказаний пророков. Эта традиция наследовалась со времен принятия христианства на Руси и неукоснительно соблюдалась в течение многих столетий.

К самым первым на Руси герменевтическим попыткам относится перевод Библии, затем первые ее толкования. Огромный вклад внесло, по словам Георгия Флоровского, «усвоение Византино-христианской письменности»¹¹.

XVIII в. в России ознаменован церковной реформой Петра Великого. Г. Флоровский считает, что содержание церковной реформы состояло именно в секуляризации русской церковной жизни¹². В это время было переведено на русский язык множество книг, выходят в свет различные «толковательные книги»¹³. Просвещенные умы России задумываются о реформе образования. Создаются комиссии по улучшению программ духовных училищ. Поступает предложение о назначении двух проректоров для духовных школ: светского и духовного, в целях предоставления школам таким образом большей независимости.

Среди деятелей церковного просвещения XVIII в. наиболее заметной фигурой являлся митрополит Платон (Левшин) (1737—1811). Это был человек, отвечающий потребностям своего века, века бунтарства и Просвещения. «Человек горячий и твердый сразу, мягкий и мечтательный, слишком легко возбудимый и настойчивый, он всегда был открыт и откровенен — с собой и другими», ратующий за Просвещение и вместе с тем глубоко религиозный. По мысли Флоровского, Платон максимально пытался сблизить богословие с реальной жизнью. Он был занят поиском живого и жизненного богословия, которое, как ему представлялось, можно найти только в Писании. В толковании Св. Писа-

ния, по его наблюдению, всего больше нужно остерегаться натягивания и принуждения, «отыскивать буквальный смысл и не злоупотреблять исканием таинственного смысла, где его нет»¹⁴.

Платон занимался методом толкования Св. Писания как учебной дисциплины для Духовной Академии. Он предполагал, что прежде всего нужно сопоставлять тексты между собой, чтобы Писание объяснялось через себя; сравнение различных отрывков Ветхого и Нового Завета позволяло это осуществить. Кроме того, он опирался на опыт выдающихся богословов прошлого: «держись при том лучших толкователей»¹⁵. Наиболее авторитетными Левшин считал труды Иоанна Златоуста и Августина Аврелия.

Августин Аврелий (354—430) — представитель западной религиозной традиции, чьи философские трактаты признаны одними из фундаментальных трудов по герменевтике. До Августина были лишь немногочисленные попытки толкования отдельных мест Священного Писания, а Августин обратился к проблеме понимания текста и знака в нем. Некоторые принципы его теории нашли свое продолжение у последователей Августина.

Августин дал не только определение знака, но и разделил их на искусственные и естественные. Знак у Августина имеет внутреннюю и внешнюю стороны. Внешняя сторона — это то, как мы видим и чувствуем, воспринимаем знак, как соотносится обозначаемый предмет с его названием, тогда как внутренняя сторона знака, его значение как раз и является предметом для понимания. Он выделил категорию понимания как одну из важнейших герменевтических категорий. Понимание, по Августину, — это путь от знака к значению. Кроме того, он первым указал на необходимость знания «контекста» для определения значения слова.

Именно у Августина впервые встречается принцип конгениальности, который в дальнейшем был разработан Ф. Шлейермахером. Этот принцип предполагает соотношение в равных долях интеллекта автора текста и его исследователя.

В. Г. Кузнецов считает, что именно эти идеи Августина получили в дальнейшем свое развитие в семиотических теориях современности: «Так понимаемая линия значения через Лейбница и далее через Соссюра, Пирса и Мориса доживает до XX века. Забегая несколько вперед, можно здесь уже сказать, что в XX веке возникает новый этап семиотики, который переосмысливает эту концепцию и заменяет новой. В прикладном отношении эти идеи привели к возникновению Тартутской школы структурализма, а в психологии — к идеям Л. С. Выготского»¹⁶.

Следовательно, традиции русской герменевтики как богословской дисциплины напрямую связаны с Западной религиозной традицией, и выделение свода герменевтических правил Платоном (Левшиным) было не случайным явлением, а закономерной необходимостью: «Платон весь в новой России и в западном свете»¹⁷.

Платон же продолжил изучение толкования Священного Писания, учредив специальные лекции, которые записывались слушателями и заучивались наизусть. Это послужило первой ступенью на пути формирования и учреждения новой дисциплины — герменевтики.

Платон предписывал при толковании Священного Писания соблюдать ряд правил:

1. «Открыть буквальный смысл, и где темно, или от перевода или по свойству языка, объяснять так, чтобы не осталось места, которого бы студенты не разумели, включая некоторые весьма редкие места, кои неудобь понятны».

2. Истолковывать смысл духовный и таинственный, особенно в Ветхом Завете, в тех местах, где оный прямо скрывается. Не искать таинственного смысла там, где его нет, но «где оный прямо и из слов, и из связи, и из параллельных мест следует, держась притом наилучших толкователей».

3. «Для большего вразумления темных мест надобно сводить места параллельные. Ибо сие весьма облегчит понятие: поелику очень нередко, что в одном месте сказано темно или кратко, в другом — тоже, но уже ясно и пространно».

4. Выводить нравоучение из толкования.

5. При истолковании пророков пометать, когда и при каких обстоятельствах их пророчества исполнились.

6. Противоречивые места Священного Писания «объяснять и соглашать с помощью на то изданных гармоний».

7. Показывать истинный смысл тех мест, толкование которых приводило к ересям и расколам, и опровергнуть тем самым еретиков и раскольников.

8. «Где найдутся такие места, на которые мудрование человек может делать некоторые возражения, таковые возражения не скрывать, но их решать ясным и удовлетворительным образом».

9. Читать отцов церкви и просить Бога помочь в сем нелегком труде¹⁸.

Усилия Платона (Левшина) были отмечены как положительные, и указом Святого Синода в 1798 г. в цикл учебных дисциплин Духовной Академии была введена герменевтика.

Это подтверждается фактом обеспечения слушателей Славяно-греко-латинской Академии первыми учебными руководствами. Так, в 1779 г. ректор Амвросий издал руководство к чтению книг Ветхого и Нового Завета, «которое сделалось книгой учебною»¹⁹.

Параллельно с русской богословской герменевтической традицией развивается и западная герменевтика, но уже в секуляризованном виде. Западная культура этого периода (конец XVIII — начало XIX в.) подвержена мощному натиску романтизма, что находит отражение во всех областях творчества: науке, литературе, искусстве. Герменевтика, выделенная из богословских наук, в последние десятилетия XVIII в. в немецкой философии была призвана лингвистами (Гердер, Гумбольдт) и историками (Дройзен, Нибур) выполнить роль методологии гуманитарных наук, стать теоретической основой научных гуманитарных исследований. «Это привело к тому, что фундаментальная проблема герменевтики — как правильно понимать какой-либо текст — превращалась в центральную проблему методологии исторических и филологических наук»²⁰.

Труды немецких ученых по герменевтике относятся к первым десятилетиям XIX в.: в 1800 г. — Г. В. Мейер, в 1808 — Ф. Аст, в 1810 — К. Кейл и в 1817 г. — Ф. Лекке опубликовали свои работы²¹.

Поиск в данном направлении — становление герменевтики в России, на наш взгляд, весьма продуктивен. Особое внимание привлекает Шлейермахер, Фридрих Дениэл Эрнест (1768—1834), немецкий ученый и богослов. Он посвятил свои труды историческому и текстологическому исследованию книг «Ветхого Завета» и «Нового Завета», «усовершенствовал самый метод библейской критики»²². Р. М. Габитова видит истоки философской активности Шлейермахера в причастности к движению немецких романтиков: «в 1797—1803 гг. (годы жизни в Берлине) Шлейермахер общается со многими романтиками, объединенными вокруг братьев Шлегелей; их литературно-публицистического журнала «Антеней»²³. Р. М. Габитова устанавливает точные даты обращения Шлейермахера к занятиям герменевтикой: «Он начал заниматься герменевтикой в Галле (1805 год) и продолжил занятия в Берлине, где читал соответствующие курсы лекций»²⁴.

По мнению Р. М. Габитовой, уже немецкие романтики рассматривали историю, культуру и язык как «объективацию» развивающегося во времени человеческого духа. Герменевтике отводили роль не только методики гуманитарных наук (истории, лингвистики, культуры), но и метода «высшего» философского знания.

Ф. Шлейермахер явился создателем целого герменевтического метода. По мысли В. Г. Кузнецова, «вся немецкая романтика во многом обязана Шлейермахеру»²⁵. Его герменевтическая теория отталкивается от богословской традиции, но это уже не религиозная, а секуляризированная концепция. В. Г. Кузнецов называет герменевтику Шлейермахера «филологической дисциплиной, которая предоставляет средства для специального изучения специфических объектов (литературных памятников прошлых культур)»²⁶.

Религия понимается Шлейермахером в русле романтизма как отношение человека и Всеобщего. В статье «Речи о религии» Шлейермахер рассматривает учение о религии как религиозную философию, философию природы, социальную философию, философию истории и культуры, утверждая христианство как независимую величину от всех философских интерпретаций²⁷. Религия — это состояние человеческого сознания. Религия опирается на интуицию человека, его чувства бесконечного, она имеет огромную нравственную, политическую, социальную ценность. Рациональная мысль сводила религию либо к теоретическим представлениям о Боге, устройстве мира, морали, либо к области практической морали заповедей, норм поведения людей в жизни и средств достижения «жизни вечной» после смерти. Шлейермахер же считал, что религия находится не в области разума человека, а в области чувственности. Религия, следовательно, не объясняет мир (это дело философии и науки) и не стремится улучшить нравственность человека. Религия ставит человека в центр бытия. Религиозное чувство человека интуитивно показывает его зависимость от Всеобщего.

Историки философии рассматривают обращение Шлейермахера к герменевтике как поворотный, но еще не преодолевший генетических корней богословия, пункт. Он продолжает обращаться к толкованию Св. Писания, пытаясь выработать «универсальную герменевтику».

Уже с 1805 г. Шлейермахер имел план своего первого герменевтического курса: «Он уже был достаточно теоретически вооружен, т.е. у него уже сложился к этому времени эскиз теории понимания»²⁸, которая является узловой проблемой в его философской системе. Герменевтика нужна там, где наличествует ситуация непонимания, а не там, где необходимо истолкование понятого (как считал Ф. Аст). Именно непонимание рождает необходимость понимания. Шлейермахер впервые говорит о том, что проблема понимания (текста — Г. В.) всегда присутствует в

жизни человека и общества. Понимание лежит в основе человеческого образования, так как оно связано с говорением, речью. Учиться говорить — значит, одновременно учиться понимать. Истолкование текста, по мнению Шлейермахера, носит диалогический характер. Интерпретатор вступает в диалог с автором при истолковании литературного памятника (застывшей речи).

Основная цель герменевтического метода Шлейермахера — понять автора и его труд лучше, чем он сам понимал себя и свое творение. Учитывая историческую ситуацию, в которой жил автор, его биографию и социальные условия, интерпретатор может лучше понять произведение, сделать новые открытия, осознать те глубины текста, о которых не подозревал сам автор, т.е. увидеть гениальность последнего. К. М. Хоруженко утверждает: «Герменевтика в XIX веке благодаря работам Шлейермахера стала особым методом «наук о духе»²⁹.

Как уже говорилось, Е. Болховитинов был одним из слушателей Славяно-греко-латинской академии именно в то время, когда в должности ее ректора состоял Платон. И он не мог не слушать лекции, которые тот читал «в самом начале своего правления (в 1776 году)», по классу толкования Священного Писания. Лекции эти «студентами были записываемы и выучиваемы»³⁰. На каникулы слушателям задавались отдельные места из Св. Писания, т.е. они должны были внимательно рассматривать известное отделение из книг писания и после отдать отчет в прочитанном, места невразумительные по их требованию были объясняемы наставником»³¹. Позднее Платон предложил свод правил к истолкованию Св. Писания.

После возвращения в Воронеж Е. А. Болховитинов, как мы уже упоминали, начинает свою педагогическую деятельность в Воронежской Духовной семинарии. Более одиннадцати лет он прожил в Воронеже после окончания Московской Духовной академии. Евфимий Алексеевич очень много работал как педагог и префект Воронежской духовной семинарии, а с 1797 г. и как начальник Воронежской бursы. В 1795 г. он был произведен (т.е. принял сан священника) в протоиереи уездного города Павловска, в котором тогда семинаристы проходили выпускной курс. Должность священника не отменила его педагогических обязанностей префекта, лектора и библиотекаря.

Е. А. Болховитинов из педагога-новатора вырастает в выдающегося ученого. Он занимается богословскими дисциплинами, философией, историей, лингвистикой. Итогом его краеведческих изысканий стал уникальный труд «Историческое, географиче-

ческое и экономическое описание Воронежской губернии», изданный в Воронеже в 1800 г., а затем в Москве состоялось издание этой первой в России краеведческой энциклопедии.

Личная жизнь Е. Болховитинова в Воронеже была напряженной и даже драматичной. В 1793 г. он женился на Анне Антоновне Расторгуевой, дочери липецкого купца. Брак был очень печальным. Умерли в младенчестве сыновья Андрей и Николай, в 1799 г. умерла дочь Пульхерия, а в августе 1799 г. скончалась жена — Анна Антоновна Болховитинова.

Научная репутация Е. А. Болховитинова, его труды и педагогическая деятельность определили его дальнейшую судьбу. 1 марта 1800 г. он выехал в Петербург, был там пострижен в монахи, наречен именем Евгений, посвящен в архимандриты Зеленецкого монастыря и назначен префектом Александро-Невской Духовной академии, где преподавал до января 1804 г. 17 января 1804 г. он стал епископом Старорусским и Новгородским.

Находясь в Петербурге, Е. Болховитинов продолжает свои научные занятия и даже расширяет тематику. В 1803 г. он пишет «Церковный календарь», «Историческое исследование об иерархах Российской церкви», «Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и ученом состоянии...», (1803 г. — перевод на немецкий язык, опубликовано в г. Лейпциге). В 1804 г. он издал «Рассуждение о соборном деянии, бывшем в Киеве в 1157 году на еретика Мартина», «Рассуждения о начале важности и знаменования церковных облачений» и, наконец, труд, который вновь напоминает нам о герменевтике, — «Рассуждения о книге, именуемой Православное истолкование веры Соборной и Апостольской церкви Восточной, сочиненной Киевским митрополитом Петром Могилою».

Герменевтика в последнее десятилетие XVIII в. и в первой половине XIX в. пережила истинное возрождение, став той областью знаний, к которой одновременно обратились богословы и светские философы. История, философия, мифология, текстология и собственно богословие увидели в герменевтике и фундаментальную науку, и прикладную область знания, которая позволяет проверять научные гипотезы. Герменевтика также стала символом эрудиции, истинной образованности философа.

Описывая развитие герменевтики как науки о толковании текста Священного Писания, Владимир Соловьев приводит имена авторов и названия книг по *Hermeneutice Sacra* с 1809 по 1859 г. в России³², причем каждая из 113 книг заслуживает внимания

как история становления герменевтики в России и как эпизод истории русской философии.

Среди неизданных рукописей Е. А. Болховитинова есть «Сокращенные правила Священной Герменевтики, по методу Рамбаха.....», датированные 1792—1794 гг. Е. Шмурло в книге «Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804» пишет, что ему не удалось обнаружить рукописный текст лекционно-практического курса по герменевтике. Однако он высказывает предположение, что «история, герменевтика и греческий язык читались Евгением Болховитиновым до 1797 года, может быть, только не систематично, но в виде самостоятельного курса»³³. Сам Е. А. Болховитинов называет имя лютеранского богослова Рамбаха, чьей методикой он пользовался при составлении и написании «Сокращенных правил священной герменевтики с руководством к сочинению проповедей и несколькими образцами изобретения и расположения оных». В своей книге Е. Шмурло приводит название труда Рамбаха — «Institutiones Hermeneutical sacre» — и дату его выхода в свет — 1723 г., а с объяснениями — 1738 г.: «Рамбах... требовал от толкователей Св. Писания, наряду с филологическим образованием, способности проникаться духом предмета и придавал большое значение отыскиванию тайного смысла в отдельных словах и сочетаниях слов»³⁴.

Анализ рукописного наследия Е. А. Болховитинова позволил Е. Шмурло выявить рукопись студента Ивана Рясовского, прослушавшего курс «Герменевтики», прочитанный Е. А. Болховитиновым в 1797/98 учебном году в Воронежской духовной семинарии. Рукопись называется «Краткие правила толкования Св. Писания, 1798 года июля 16 студента богословия Ивана Рясовского». Эта рукопись находилась в библиотеке Киево-Софийского собора под номером 210 в рукописном собрании. Е. Шмурло отметил в тексте рукописи Ивана Рясовского «поправки руки Евгения». Видимо, эти лекции записаны одним из слушателей в первый год существования самостоятельного курса по герменевтике. Курс собран из 33 параграфов, большая часть которых, в свою очередь, разделена на более мелкие подразделения»³⁵. Е. Шмурло приводит в качестве примера 3 параграфа лекций из рукописного конспекта по герменевтике воронежского семинариста Ивана Рясовского: «Начав с определения науки, лектор указывает на необходимость внимательно вникать в Св. Писание, разъяснять источники неясных выражений и рассказывать о смысле библейских текстов и о способах его толкования, заканчива-

ет исследование «цепей и намерений» в изучении Св. Писания»³⁶. Шмурло отмечает (с большим сожалением), что в рукописи Ивана Рясовского нет раздела «Руководства к сочинению проповедей», которое подготовил Е. Болховитинов в «Сокращенных правилах священной герменевтики». Последний, естественно, разрабатывал предмет герменевтики в рамках православного вероисповедания, но как педагог учитывал опыт немецкого лютеранского богослова Рамбаха, поскольку тот «сильно восставал против формализма и той безжизненности, которые охватили лютеранское богословие в XVIII веке»³⁷. В образовательный курс герменевтика как предмет была введена Е. А. Болховитиновым в Воронежской Духовной семинарии в 1797 г. А в 1798 г. Священный Синод принял Указ об обязательном включении герменевтики в учебный план Духовных Академий и Духовных Семинарий.

Кроме Московской Славяно-греко-латинской академии к изучению герменевтики обратилось руководство Санкт-Петербургской Духовной Академии. Возможно, ее изучение здесь связано с появлением Болховитинова в качестве префекта этой академии с февраля 1800 г. Труд, на который опиралось изучение герменевтики и чтения Священного Писания, назывался «*Institutiones hermeneutical sacrae*» и принадлежал Якову Рамбаху, чьи труды уже использовал в 1792—1794 г. молодой воронежский педагог при составлении курса герменевтики, переводя лично его научные изыскания.

Итак, герменевтическая традиция Запада и русская герменевтическая традиция развивались параллельно. Однако в трудах немецких ученых конца XVIII — начала XIX в. герменевтика предстает уже в секуляризованном виде, а в России первые герменевтические курсы в этот же период времени основываются на толковании Св. Писания и носят теологический характер. Авторы принадлежат к петербургской и киевской богословским школам — епископ Августин «Христианская наука, или основание священной Герменевтики и церковного красноречия» (Киев, 1835) и П. Савваитов «Православное учение о способе толкования Священного Писания» (СПб., 1857)³⁸.

Но источник герменевтической традиции для Запада и для России общий: это труды «отцов церкви», что указывает на взаимосвязь западной и русской герменевтических традиций.

Е. Болховитинов провел в Петербурге более 4 лет и поддерживал творческие связи с учеными и издателями все последующие годы своей жизни. В 1822 г. он навсегда переезжает в

Киев, где его назначили митрополитом Киевским. В 1825 г. он освятил первый университет на Украине — Киевский имени Святого князя Владимира. В будущем Киевский университет всегда будет пользоваться поддержкой Е. А. Болховитинова: он передавал ему книги, консультировал ученых, встречался с ректором. Появление книг по герменевтике в Петербурге и Киеве, возможно, связано с продолжением влияния Е. Болховитинова в этих университетских центрах.

Е. Болховитинов стоял у истоков освоения герменевтики не только в Воронежской духовной семинарии, но и в религиозном образовании в целом. Служба Е. Болховитинова в Воронеже, Петербурге, Киеве и других городах России, его пасторская и педагогическая работа, библиографическая, переводческая и издательская деятельность в течение 50 лет дали ему возможность реализовать многие замыслы. Вероятно, роль Е. Болховитинова в становлении герменевтики еще ждет своих исследователей. Несомненной заслугой ученого является включение курса герменевтики в семинарскую программу, что опережало учебные программы других семинарий России и ставило качество преподавания в Воронежской Духовной семинарии (учитывая весь учебный план, творческие занятия и практические задания) на общероссийский уровень. Педагог-новатор, просветитель, ученый и издатель — все эти качества творческой личности Е. А. Болховитинова привели к неслыханному подъему провинциальной педагогики Воронежского края накануне XIX в.

---

¹ См.: *Никольский П.* История Воронежской духовной семинарии: В 2 ч. Воронеж, 1898. Ч. 2. С. 78.

² Там же. С. 77.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Митрополит Евгений Болховитинов: Вибрані праці з історії Києва. Киев: Либідь, 1995. С. 428.

⁸ *Смирнов С.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855. С. 258.

⁹ Там же. С. 260.

¹⁰ Там же. С. 261.

¹¹ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 7.

¹² См.: Там же. С. 82.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Там же. С. 110.

¹⁵ Там же. С. 201.

¹⁶ *Кузнецов В. Г.* Герменевтика и ее путь от конкурентной методики до философского направления. М., 2001. С. 4—5.

- ¹⁷ *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 112.
- ¹⁸ Цит. по: *Смирнов С.* Указ. соч. С. 294—295.
- ¹⁹ Там же. С. 258.
- ²⁰ *Габитова Р. М.* Философия немецких романтиков. Гельдерлин, Шлейермахер. М.: Наука, 1989. С. 100.
- ²¹ См.: Там же. С. 155.
- ²² *Философская энциклопедия.* М., 1970. Т. 5. С. 513—514.
- ²³ *Габитова Р. М.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁴ Там же. С. 99.
- ²⁵ *Кузнецов В. Г.* Указ. соч. С. 8.
- ²⁶ Там же. С. 15.
- ²⁷ См.: *Шлейермахер Ф.* Речи о религии к образованным людям. М., 1994. С. 58.
- ²⁸ *Габитова Р. М.* Указ. соч. С. 111.
- ²⁹ *Хоруженко К. М.* Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 1977. С. 99.
- ³⁰ *Смирнов Г.* Указ. соч. С. 294.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: *Соловьев Вл.* Гермес Трисмегист // Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 8. С. 536.
- ³³ *Шмурло Е.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804. СПб., 1888. С. 108.
- ³⁴ Там же. С. 119.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ См.: *Брокгауз Ф. А. и Эфрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 8. С. 536.